

фии, стремительно прошедшей несколько стадий в своем развитии и весьма прочно укоренившейся в сознании нескольких поколений, получивших секулярное образование, примат духовного над материальным. Атеистические и материалистические воззрения еще не захватили народные массы, о чем свидетельствует множественность паломнических маршрутов как в стране, так и за рубежом, которыми прошли миллионы православных людей.

Массовое паломническое движение получило поддержку в лице государственных органов (Министерство иностранных дел, Св. Синод, местное самоуправление), было организованным благодаря церковной деятельности (в 1847 г. в Иерусалиме открыта Русская Духовная миссия (РДМ)), а также укреплялось усилиями многочисленных благотворителей из мирян. Странноприимство как частная инициатива верующих людей, широко развитое на Руси с древнейших времен, обновляется в XIX веке, служит делу духовного развития всего народа. Паломничеством активно интересуется императорская фамилия, продолжающая финансовую и политическую поддержку единоверцев на Востоке. Стараниями начальников РДМ Россия становится обладательницей ценнейших земельных участков в Палестине (в Иерусалиме, Вифлееме, Яффе, Хевроне, Иерихоне, на побережье Тивериадского озера), которые активно осваиваются русскими людьми: строятся подворья, храмы, паломнические гостиницы, школы для православных арабов).

В 1882 г. стараниями русских ученых и благотворителей при поддержке династии учреждается Императорское Православное Палестинское общество (ИППО), которое берет за организацию проезда, проживания паломников на Святой земле, оказания им правовой и медицинской помощи. Ученые ИППО своими проектами ставят изучение Святой земли, в т.ч. византологии, на небывало высокий уровень, обогащают археологию, палеографию, нумизматику, историю архитектуры и искусства и др.

Таким образом, к концу XIX века сложились такие культурно-исторические условия, которые способствовали полноценному функционированию паломнической традиции в русской духовной и художественной культуре. Они продуцировали развитие и научное изучение паломнической литературы самых разных жанров и стилистических течений, освоение духовно значимых для русской православной цивилизации земель.

Литература

1. Леонтьев, К.Н. Восток, Россия и славянство / К.Н.Леонтьев. - СПб., 1881. - Т. 1. - С. 74.

I. V. Mokletsova

Moscow State University
e-mail: irvasmok@mail.ru

The Historical and Cultural Context of Pilgrim Descriptions in the Nineteenth Century

Key words: pilgrimage, Russian literature, historical context, Russian culture

The article focuses on the historical and cultural context of Russian pilgrim literature in the nineteenth century. Its successful development was a result of Russia's geopolitical situation and the intensification of international relations, affecting all strata of Russian society. A process unprecedented in Russian history was unfolding at that time: Russian people appeared in the guise of pilgrims, performing a spiritual feat in the eyes of people of the Mediterranean. The officials of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, representatives of the Russian Orthodox Church, and the academic community (members of the Imperial Orthodox Palestine Society) contributed to helping millions of Russian people accomplish their dream of visiting the Holy Land.

Е.А.Папакуль

Полоцкий государственный университет
e-mail: auhijash@yandex.ru

УДК 821.111(043.3)

ДИДАКТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ШОТЛАНДСКИХ И ШВЕДСКИХ НАРОДНЫХ БАЛЛАД О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМ

Ключевые слова: народная баллада, дидактическая роль, христианство, пограничность, выбор.

В статье анализируется дидактическая функция шотландских и шведских народных баллад о сверхъестественном; детально рассматривается концепция «пограничности» главных героев баллад; выявляется роль и место христианских мотивов в балладах о сверхъестественном, а также их сосуществование с мифологическими мотивами.

Согласно Р.И. Енукидзе, хронотоп является трёхкомпонентной структурой и включает в себя не только время и место действия, но и «субъекта», то есть главного героя, вокруг которого и формируются пространственно-временные отношения произведения [10, с.5]. В шотландских и шведских народных балладах о сверхъестественном встречаются герои из разных социальных классов. Это может быть аристократический мир, большой королевский двор. Однако чаще всего перед нами – представители среднего класса: не очень богатые рыцари, землевладельцы и молодые девушки или же вовсе простые люди. Но главное, что в большинстве баллад главные герои – молодые люди, сталкивающиеся со своеобразным переходом в собственной жизни. Их возраст сам по себе, можно сказать, пограничное состояние, это время, обозначающее конец детства и преддверие вступления в брак, что, в конечном счёте, и определяет статус человека как взрослого.

Функция молодого человека или девушки в пограничном состоянии не может быть объяснена тем, что она служит для усиления какой-либо угрозы. Хотя в балладах именно молодые люди особенно уязвимы для духов природы. Но есть и особые случаи в жизни, когда люди более подвержены сверхъестественному влиянию и особенно привлекают интерес потусторонних сил.

В балладах обычно говорится о не состоящих в браке молодых людях, естественной целью которых является создание собственной семьи. До вступления в брак у них обычно не было собственного дома. Н. Санд считает, что *молодой человек в какой-то степени представляет собой пограничное существо, он собирается пересечь социальные границы и стоит на пороге того, что является самым большим изменением в его жизни, но всё же он не является частью взрослого сообщества. Как пограничное существо молодой человек, не имея определённого статуса, является возможной угрозой для общества. То, что делают молодые люди, всегда рассматривается со скепсисом со стороны взрослых* [4, с.26]. Исследовательница Э. Шён добавляет, что если в балладе речь идёт о женщине, то она, как правило, беременна, что также представляет собой переход в новый статус матери, а беременность – также пограничное состояние. И даже если в балладе говорится о детях, то они обычно некрещёные и, таким образом, особенно подвержены влиянию сверхъестественного [5, с.127].

Молодой человек в балладе отделён от общества и, будучи пограничным существом, изолирован и находится в пограничной зоне и в пограничное время. Таким образом, по мнению Н. Санд, баллады имеют дидактическую функцию, они учат, что правильно и неправильно посредством нравственных примеров [4, с.27]. Однако можно предложить и ещё одну версию обязательной «пограничности» героев в балладах. Их испытания – не что иное, как обряд инициации, и, сделав неправильный выбор, молодые люди попадают в изоляцию и оказываются за пределами взрослого общества.

При этом главный внутренний конфликт героев баллад заключается в противоречии между чувствами и разумом. Привлечённая могуществом и богатством горного короля в шведской балладе «Забранная горой», девушка обрекает себя на гибель. Молодой человек в ещё одной шведской балладе «Юноша и русалка» привлечён русалкой и соглашается встретиться с ней, хотя и не обязан этого делать. Часто герои баллад сами ставят себя в опасную ситуацию, когда, не дожидаясь утра, идут ночью к своим возлюбленным, что приводит их к смерти (шотландская баллада «Проклятие матери, или воды Клайда», шведская «Оборотень»). Поддавшись чувствам, девушка или юноша уходят к эльфам в шотландских балладах «Рыцарь-эльф» и «Томас Рифмач» либо таинственному незнакомцу в «Юном Экине». В большинстве баллад как наказание за совершённую ошибку им приходится провести там 7 лет, пока не предоставится случай сбежать. Раскрыв истинные намерения незваных гостей и сделав правильный выбор, девушки спасают себя в шотландских балладах «Клутти» (девушка сразу поняла, что перед ней дух, и нужно назвать его имя, чтобы он вернулся в ад) и «Холм Брумфилд» (девушка усыпляет юношу при помощи цветков ракутника). Герр Магнус в шведской «Герр Магнус и горная троллиха» остаётся невредимым после встречи с троллихой лишь потому, что он, не поддавшись чувствам, делает правильный выбор. Иногда, однако, как в «Герр Улуф и эльфы», причина несчастий лишь в том, что герой оказывается в неправильном месте в неправильное время.

Следует отметить, что в балладах о сверхъестественном встречается огромное количество христианских мотивов. Расцвет баллады в Шотландии и Швеции приходится на то время, когда официально страны уже несколько веков были христианскими, но, несмотря на это, существование массивного пласта баллад о сверхъестественном свидетельствует о том, что старые верования прочно укоренились в сознании тогдашних людей. Мышление не меняется в одночасье, и этот процесс может затянуться на многие столетия [8, с.44–46]. В качестве примера можно привести факт из белорусской истории. Официальной датой принятия христианства считается 988 год. Согласно другой версии произошло это на два года раньше, когда исландский миссионер Торвальд Кодранссон основал в Полоцке монастырь Иоанна Предтечи [11, с.231–236], и христианизация По-

лоцкого княжества происходила при поддержке со стороны Рогнеды и её сына Изяслава [12, с.16]. Несмотря на это, последнее действующее языческое капище на территории Беларуси было закрыто по требованию православных священников лишь в 1904 году. Представляло оно собой небольшую площадку в болотистой местности, где рос огромный дуб, стоял святой камень и постоянно горел костёр. На протяжении всего XIX века капище обслуживала семья Севастеев, а последний языческий жрец был репрессирован в печально известном 1937 году и сослан в Сибирь. Самое же необычное во всей этой истории то, что вышеописанное капище находилось не в какой-нибудь глухой деревне, а в центре Минска, на берегу реки Свислочь в районе современной улицы Красноармейской [9, с.226]. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что в Шотландии и Швеции ко времени расцвета балладного творчества старые верования никуда не пропали, а сохранялись и отражались, в том числе, и в богатой балладной традиции [1, с.219]. В то же время, баллады о сверхъестественном не могли избежать христианского влияния, о чём говорит ряд примеров.

Христианские мотивы (упоминание Бога, церкви, рая и ада) встречаются в 13 шотландских балладах (почти в каждой третьей) и в 18 шведских (практически половина). Причём они могут упоминаться в различном контексте:

1. Угрозы: *God never let her rest till she shall die* 'Пусть Бог не даст ей покоя, пока она не умрёт' в шотландской балладе «Две сёстры», *Till God calls you away* 'Пока Бог не заберёт тебя' в шотландской «Неспокойная могила», *men aldrig skall du på Guds gröna jord gå* 'но ты никогда не ступишь на зелёную землю Бога' в шведской «De två systrarna» [2, с.54];

2. Просьбы и мольбы: *O God forbid* 'Боже упаси' в шотландской балладе «Король Генри», *Gud trösta Gud bättra* 'Боже, спаси и сохрани' в шведской «Оборотень», *så sant hjälp mig Gud fader och Helge and* 'помоги мне, Бог-Отец и Святой Дух' в шведской «Ворон Рюне» [3, с. 57], *Christ gifwe Christ gifwe den Herren wore min* 'Христос, пусть этот господин будет моим' в шведской «Водяной крадёт девушку» [3, с.230];

3. В рефрене шведских баллад: *Hvem vet min sorg utan Gud* 'Кто, кроме Бога, знает о моей печали' в «Девушке, превращённой в липу» и «О бедной Хилле» [3, с.88, 185];

4. Идентификация (христиане / не христиане).

На последнем пункте следует остановиться подробнее. В балладах о сверхъестественном существует чёткое разделение на христиан и не христиан (духов природы). В шотландской балладе «Тэмлейн» Дженет спрашивает у Тэмлейна, является ли он христианином: *But tell me, tell me true, Tamlane, // For His sake that died on tree, // O were you ever in holy church, // Or got you Christiantie?* 'Но скажи, скажи мне правду, Тэмлейн, // Во имя того, кто умер на кресте, // Был ли ты когда-нибудь в святой церкви, // Был ли ты крещён?' [7, с.125]. Получив утвердительный ответ, она соглашается ему помочь. Во время страшной процессии его корону будет украшать золотая звезда, которую он получит от эльфов потому, что он ... *was a christened knight* '... был христианским рыцарем'.

В шотландской балладе «Розмер Харманд, или водяной Розмер» водяной, придя домой, сразу чувствует, что ... *here is a Christian man* '... здесь христианин'.

Герр Маннелиг в одноимённой шведской балладе отказывается от всех подарков троллихи, ссылаясь лишь на одну причину: *Sådana gåfvor toge jag väl emot // Om du vore en kristelig qvinna...* 'Такие дары я бы с удовольствием взял, // Если бы ты была христианкой...' [3, с.383].

Рыцарь Тинне прислушивается к совету жены волка Улле лишь тогда, когда узнаёт, что она христианка: *Jagh är så vähl utaf Christen blodh* 'Я также из христианского рода' [3, с.392].

Христианские мотивы встречаются и в других контекстах. О необходимости крестить детей (в том числе и по их собственному желанию) говорится в шотландских балладах «Девушка Вилли» (*And bid her your boy's christening to* 'И уговори её крестить детей' [6, с. 165]), «Юный Экин» (*I wish we were in the good church. // For to get christendoun* 'Жаль, что мы не были в церкви. // И нас не крестили' [6, с. 187]) и «Юный конюх Хастингс» (*let us all be christened* 'покрестите нас всех' [6, с.191]). В шведской балладе «Заколдованная роженица» девушке говорят, что ребёнка необходимо вынашивать сорок недель, столько, *så länge gick Jungfru Maria med Jesum Christ* 'сколько Дева Мария вынашивала Иисуса Христа' [3, с.138]. В балладе «Рыцарь в птичьем царстве» юноша, превратившись в птицу, *han siunger så fagertt om Jesum Christ, om thenn helge andh* 'пел прекрасные песни об Иисусе Христе и Святом Духе' [3, с.203]. Лишь по воле Бога (*effter Gudz willja*) тонут корабли в балладе «Король Эрик и гадалка».

Часто в одном произведении сосуществуют мифологические и христианские мотивы. Одним из лучших примеров является шведская баллада «О бедной Хилле». Когда описывается тёмный дом, в котором находилась в заточении Хилла, встречаем следующие упоминания мифологических существ: *Hwar gång iag mig rörde // Ormar och Drakar iag der hörde* 'Каждый раз, когда я поворачивалась, // Я слышала линдвормов и драконов' [3, с. 186].

Заключительные строки баллады, напротив, имеют христианский характер и повествуют о спасении души умершей девушки и вознесении её в рай: *Så snart hon hade the Ord framfört // – hwem weet min Sorg utan Gud – // Sände hon sin Siäl till Himmelshög...* 'Как только она произнесла последнее слово, // – кто знает о моём горе, кроме **Бора** – // Её душа вознеслась в **небеса...**' [3, с.186].

Однако насколько сильны ни были бы мотивы сверхъестественного в балладе, христианство всегда одерживает верх. Прекрасной иллюстрацией является шотландская баллада «Томас Рифмач». Когда в начале Томас путает Королеву Эльфов с Девой Марией, она сразу же говорит ему:

O no, O no, Thomas...

'О нет, о нет, Томас...

That name does not belong to me...

Это имя не принадлежит мне...'

Тем самым она признаёт, что не может считаться равной Деве Марии. Данный факт знаменует собой победу христианства над старыми верованиями и замечательно демонстрирует мировоззрение людей, создавших балладу «Томас Рифмач». Пусть вера в сверхъестественные силы по-прежнему была достаточно сильной, всё же она однозначно считалась чем-то второстепенным в сравнении с христианством, что, согласно данной балладе, признавали непосредственно и сами волшебные существа.

Таким образом, христианские мотивы в шотландских и шведских народных балладах о сверхъестественном – явно более позднее напластование. И основная функция данных христианских образов – дидактическая. Молодые люди во всех балладах безлики и всячески стандартизированы. Они – символы всех молодых мужчин и женщин. Возможно, все границы и пограничные состояния в балладах символизируют предел, который молодой человек должен пересечь. В то же время угрозы этих границ могут быть символом неопределенности молодого человека по поводу будущего. Молодой человек в балладе встречается духов природы, когда находится один. Точно так же, молодой человек обычно в одиночестве делает выбор по поводу будущего. Переход через границу подобен социальному переходу молодого человека. А угроза необходима, чтобы стать истинным взрослым. Смерть или несчастный случай, настигающие молодых людей в балладах, – то, что может постигнуть в случае неправильного выбора. Переход границы в балладе можно сравнить с обрядом инициации.

Литература

1. Entwistle, W. *European Balladry* / William J. Entwistle. – Oxford: The Clarendon Press, 1939. – 404 p.
2. Jonsson, B. *Svenska medeltidsballader* / Bengt R. Jonsson. – Lund: Bröderna Ekstrands Tryckeri, 1981. – 220 s.
3. Jonsson, B. *Sveriges medeltida ballader*, utgivna av Svenskt visarkiv. *Naturmytiska visor: i 9 band* / Bengt R. Jonsson (huvudred.) [och andra]. – Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1983. – B. 1. – 495 s.
4. Sand, N. *Gränser och gränstillstånd: möten med det övernaturliga i den naturmytiska balladen* / Nadja Sand. – Uppsala, 2011. – 36 s.
5. Schön, E. *Erotiska väsen* / Ebbe Schön. – Stockholm: Carlsson förlag, 2010. – 256 s.
6. *The English and Scottish Popular Ballads: in 8 vol.* / Francis James Child [Electronic resource]. – Boston: Little, Brown and Company, 1860. – V. 1. – 334 p. – Mode of access: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=moa&idno=ABF2062.0001.001&view=toc>. – Date of access: 17.11.2014.
7. *Английские народные баллады: сб.* / худож. А. Лурье. – СПб.: Лань, 1997. – 241 с.
8. *Андерссон, И. История Швеции* / И. Андерссон. – М.: Иностранная литература, 1951. – 408 с.
9. *Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн.* / С. Санько [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мн.: Беларусь, 2006. – 599 с.
10. Енукидзе, Р.И. *Художественный хронотоп и его лингвистическая организация (на материале англо-американского сказа)*: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Р.И. Енукидзе; Тбилисский гос. ун-т. – Тбилиси, 1984. – 20 с.
11. Катлярчук, А. *Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў* / А. Катлярчук. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007. – 328 с.
12. Самонова, М.Н. *Скандинаво-славянские связи на белорусских землях в IX–XIII вв. (по письменным источникам)*: автореф. дис. ...канд. истор. наук: 07.00.02 / М.Н. Самонова; Республиканский институт высшей школы. – Мн., 2014. – 25 с.

Y.A.Papakul

Polack State University
e-mail: auhijash@yandex.ru

Didactic Role of Scottish and Swedish Folk Ballads of Supernatural

Keywords: folk ballad, didactic role, Christianity, border, choice.

The didactic function of Scottish and Swedish folk ballads of supernatural is analyzed in the article; the concept of the "border" of the main ballad characters is considered in detail; the role and place of Christian motifs in the ballads of supernatural are revealed as well as their coexistence with the mythological motifs.